

Михаил Давидов

«Не поставить ли лучше точку пули в своем конце...»

(Тайны гибели Маяковского)

В 10 часов утра 14 апреля 1930 года в одной из комнат коммунальной квартиры дома № 3 в Лубянском проезде какое-то время слышались возбужденные голоса мужчины и женщины. Затем из дверей комнаты вынырнуло юное очаровательное создание. Стройная фигурка в шикарном модном платье, так контрастирующем со скромной обстановкой коммуналки, уже готова была выпорхнуть из квартиры, как вдруг в оставленной ею комнате раздался выстрел.

Женщина негромко вскрикнула и заметалась по коридору, страшась войти обратно, но через несколько мгновений ноги сами занесли ее в покинутую тесную комнатку. Прямо у двери на полу распростерлось тело молодого, мускулистого и сильного мужчины, вытянувшегося во весь свой громадный рост. В комнате еще стояло облачко дыма от выстрела.

Мужчина лежал на ковре, широко раскинув руки и ноги. На груди его алено крошечное кровавое пятнышко. «Что вы сделали? Что вы сделали?» — истерично взывала юная особа. Глаза мужчины были открыты, он смотрел прямо на нее и все силился приподнять голову. Казалось, он хотел что-то сказать, но глаза были уже неживые. Лицо и шея покраснели. Потом голова упала, и он стал постепенно бледнеть. Через 5 минут все было кончено.

Так ушел из жизни поэт Владимир Маяковский.

В этот же день на всю страну было объявлено, что В.В. Маяковский покончил жизнь самоубийством. В страшное известие многие не могли поверить. Между прочим, 14 апреля — это 1 апреля по старому стилю, и некоторые, когда им сообщали, что Маяковский застрелился, смеялись, думая, что их разыгрывают.

Сам способ ухода из жизни никак не вязался с обликом революционного бойца Маяковского — величайшего оптимиста и романтика, ненавидевшего «всяческую мертвечину», обожавшего «всяческую жизнь». В факте самоубийства поэта комсомольская молодежь видела вопиющее противоречие со взглядами Маяковского, призывавшего в своих произведениях к жизни и любви к ней. Хорошо помнили, как 5 лет назад, когда в петле гостиницы «Англетер» закончил земной путь Сергей Есенин, Маяковский осуждал этот малодушный, по его мнению, поступок:

В этой жизни помереть не трудно.
Сделать жизнь значительно трудней.

И вот сейчас совершил то же самое.

В этот же день питерская «Красная газета» известила: «Сегодня в 10 часов 17 минут в своей рабочей комнате выстрелом из нагана в область сердца покончил с собой Владимир Маяковский. Прибывшая «скорая помощь» нашла его уже мертвым. В последние дни В.В. Маяковский ничем не обнаруживал душевного разлада и ничто не предвещало катастрофы.

Михаил Давидов — врач, доцент Пермской медицинской академии. Автор книг «Дуэль и смерть А.С. Пушкина», «Тайна смерти Гоголя». Печатался в журналах «Москва», «Наука и жизнь», «Уральский следопыт», «Урал» и др. Живет в Перми.

Сегодня утром он куда-то вышел и спустя короткое время возвратился в такси в сопровождении артистки МХАТа N. Скоро из комнаты Маяковского раздался выстрел, вслед за которым выбежала артистка N. Немедленно была вызвана карета «скорой помощи», но еще до ее прибытия Маяковский скончался. Вбежавшие в комнату нашли Маяковского лежащим с простреленной грудью».

Этой артисткой N являлась 21-летняя актриса Московского Художественного театра Вероника Витольдовна Полонская, дочь популярного киноактера Витольда Полонского, поляка по национальности, умершего в 34-летнем возрасте. Эта красавица запомнилась всем по нашумевшему кинофильму «Стекланный глаз» (1929). Вероника была последним человеком, который видел поэта живым. По ее словам, из комнаты Маяковского она торопилась на репетицию, которую проводил очень строгий, не выносивший опозданий В.И. Немирович-Данченко. По репетиционным журналам следователями было проверено, что действительно, в 10 часов 30 минут должна была состояться репетиция пьесы «Наша молодость», которую ставила на малой сцене МХАТа Н.Н. Литовцева под руководством В.И. Немировича-Данченко.

Поведение Полонской на первый взгляд кажется странным. Она не выказывала скорби и отчаяния. У умирающего Маяковского пробыла самое короткое время. Прибывшие на звук выстрела соседи по коммунальной квартире вызвали карету «скорой помощи», и Вероника, будто бы по чьему-то совету, ушла на улицу встречать врачей. «Скорая помощь» прибыла уже через 5 минут после вызова (вот как работала в столице в 1930 году эта служба!). Полонская указала медикам квартиру. Однако уже на лестнице кто-то сказал: «Поздно, умер». Прибывшая бригада — врач К. Агамалов, фельдшеры А. Константинов и А. Ногайцев — лишь констатировала смерть, осмотрев поэта, не проводя реанимационных мероприятий. Полонская вышла во двор дома («мне стало плохо») и уехала в театр. Однако репетировать в этот день она не смогла, и репетиция сорвалась. Полонскую через какое-то время нашли на квартире матери, у которой она давно не жила, и возвратили на Лубянку, в дом, где погиб Маяковский. Здесь она дала первые путаные показания. Допрашивали ее в этот день дважды.

В последующие дни она с покойным так и не простилась, на похороны и кремацию не явилась, впоследствии объяснив последнее тем, что ей отсоветовала это делать Л.Ю. Брик. Лиля Юрьевна действительно в день кремации вызвала Полонскую к себе для беседы и сказала такую фразу: «Не отравляйте своим присутствием последние минуты прощания с Володей его родным». Брик также полагала, что любопытство обывателей к фигуре Полонской может породить ненужные инциденты. Вечером 15 и 16 апреля Вероника играла на сцене в «Сестрах Жерар». По ходу пьесы ее обвиняют в убийстве, она отвечала истерично, с большим подъемом.

Свое поведение после смерти Маяковского Вероника впоследствии объясняла невменяемостью, страхом и возникшим затем ощущением полнейшего равнодушия.

Из друзей Маяковского одним из первых прибыл на место трагедии художник по плакатам Николай Денисовский, извещенный телефонным звонком. В передней он встретил только соседку Маяковского по коммунальной квартире, больше никого не было. «Он лежал головой к окну, ногами к двери, с открытыми глазами, с маленькой открывшейся точкой на светлой рубашке около сердца. Его левая нога была на тахте, правая слегка спустилась, а корпус тела и голова были на полу. На полу был браунинг. На письменном столе — записка, написанная его рукой. А на спинке стула, около стола, висел его пиджак¹.

¹ Денисовский Н.Ф. Наша юность связана с Маяковским. ГММ. Рукопись. Инв. № 22633.

Известный журналист Михаил Кольцов также был одним из первых посетителей квартиры Маяковского. Он рассказывал литературоведу Корнелию Зелинскому, что Маяковский лежал на полу своей комнаты, головой набок, «на паркетной половице». Глаза его не закрылись, «Маяковский смотрел вполне осмысленно, казалось, что он просто упал»².

Соратница Владимира Владимировича по ЛЕФу, художница Елизавета Лавинская, вспоминала, что 16 апреля в Клубе писателей, где был установлен гроб с телом Маяковского для прощания, чекист Яков Агранов показывал ей и другим левовцам фотографию мертвого поэта: «Он [Агранов] мне передал какую-то фотографию, предупредив, чтоб смотрела быстро и чтоб никто из посторонних не видел. Это была фотография Маяковского, распростертого, как распятого, на полу, с раскинутыми руками и ногами и широко раскрытым в отчаянном крике ртом. Я оцепенела в ужасе... Мне объяснили: «Засняли сразу, когда вошли в комнату, Агранов, Третьяков и Кольцов». Больше эту фотографию я никогда не видела»³.

Днем 14 апреля тело Маяковского было перевезено в его квартиру в Гендриковом переулке, где он постоянно жил «втроем» вместе с мужем и женой Бриками. Эту квартиру Владимир Владимирович получил в 1926 году и пригласил Бриков поселиться вместе. Комнату в коммунальной квартире по Лубянской проезду (дом 3, кв. 12) он оставил за собой и превратил в рабочий кабинет.

Дома, в Гендриковом переулке, была только домработница, так как Л.Ю. и О.М. Брики были за границей, в Лондоне. Они навещали маму Лили Юрьевны, которая работала в торгпредстве.

Квартира стала заполняться убитыми горем друзьями Владимира Владимировича и приятелями Бриков. Переодевал покойного Н. Денисовский: «Кто-то помог найти чистую рубашку у него в шкафу. Но мне снять с него старую было уже трудно. Пришлось разрезать. На сердце с левой стороны было пятнышко, рана запеклась кровью. Одеть его я не знал как. Решили оставить в тех же самых брюках и ботинках»⁴.

В 20 часов 14 апреля научные сотрудники Института мозга извлекли мозг поэта. В то время была мода на изучение головного мозга великих современников. Присутствовавший при этом Денисовский был потрясен: «Пилюю такой специальной, докторской, начали пилить. Чашка, черепная крышка, отошла, и в ней был мозг... Сказали, что очень большой мозг, понимаете ли»⁵.

Об этом же вспоминает приятель Маяковского писатель Юрий Олеша: «В день его смерти, когда, уже вечером, мы собрались в Гендриковом переулке, где теперь музей, вдруг стали слышны из его комнаты громкие стуки — очень громкие, бесцеремонно громкие: так могут рубить, казалось, только дерево. Это происходило вскрытие черепа, чтобы изъять мозг. Мы слушали в тишине, полной ужаса. Затем из комнаты вышел человек в белом халате и сапогах — какой-то медицинский помощник... и этот человек нес таз, покрытый белым платком, приподнявшимся посередине и чуть образующим пирамиду, как если бы солдат в сапогах и халате нес сырную пасху. В тазу был мозг Маяковского»⁶.

² Зелинский К. Легенды о Маяковском. В кн.: «В том, что умираю, не вините никого»?.. Следственное дело В.В. Маяковского. Документы. Воспоминания современников. М.: Эллис Лак, 2005. (Далее сокр. — Следств. дело.)

³ Лавинская Е.А. Воспоминания о личных встречах с Маяковским. ГММ. Рукопись. Инв. № 13276. С. 113.

⁴ Денисовский Н.Ф. Наша юность связана с Маяковским. ГММ. Рукопись. Инв. № 22633.

⁵ Денисовский Н.Ф. // Научная библиотека МГУ. Ф. п 776.

⁶ Олеша Ю.К. Ни дня без строчки. В кн.: Избранное. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. С. 306–307.

Мозг Маяковского весил 1700 граммов, что значительно больше нормы — 1330 граммов. Сотрудники института мозга заявили, что по внешнему осмотру мозг не имеет отклонений от нормы.

Полные результаты исследований, осуществленных большим коллективом ученых под руководством академиков С.А. Саркисова и И.Н. Филимонова, были опубликованы лишь в 1997 году⁷.

Они показывают, что по своему макроскопическому строению, цитоархитектонике, размерам коры в целом и ее отдельных полей мозг В.В. Маяковского представляет собой высокоорганизованный ассоциативный мозг. Площадь коры в левом полушарии мозга составила 88 тыс. мм², в правом — 87,5 тыс. мм², то есть значительно больше средней величины у человека (82,7 тыс. мм²). Выявленные особенности макроскопического строения прецентральной области мозга были обусловлены тем, что поэт прекрасно владел и правой, и левой рукой. Интенсивное развитие лобной и нижнетеменной областей коррелировало с исключительными способностями мышления и поэтическим даром этого человека. Необычная структурная организация речедвигательных областей в обоих полушариях являлась одним из структурных базисов ораторского искусства поэта. Особенности сочетания атипичного, редко встречающегося строения прецентральной, нижнетеменной и затылочной областей обуславливали его выдающиеся способности как художника.

Таким образом, сделали выводы ученые, «особенности изученного мозга представляют собой морфологический субстрат большого таланта выдающегося поэта»⁸.

***

По факту смерти гражданина В.В. Маяковского было заведено уголовное дело № 02-29. Это уголовное дело не могли найти более 60 лет. Куда только не обращались ведущие литературоведы — исследователи биографии и творчества великого поэта, руководство Государственного музея В.В. Маяковского. Все было тщетно. В дальнейшем было установлено, что это дело хранилось в кремлевском архиве ЦК КПСС, в личном фонде Николая Ивановича Ежова, которому в 1935 г. И.В. Сталин поручил разработать программу по увековечению памяти Маяковского, который, по крылатому выражению генсека, стал «лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи». Все материалы по Маяковскому, включая уголовное дело № 02-29, составили в фонде Н.И. Ежова отдельную папку — «Дело № 50», каждый листик которого стал предметом нашего изучения.

Ныне уголовное дело № 02-29 «О самоубийстве Владимира Владимировича Маяковского» (так в подлиннике! — *М.Д.*) хранится в Государственном музее В.В. Маяковского (ГММ) в Москве, и с ним может ознакомиться любой желающий исследователь биографии пролетарского поэта.

Первым в серо-зеленой папке лежит пожелтевший протокол осмотра места происшествия. Осмотр проведен следователем Синевым в присутствии врача-судмедэксперта Рясенцева. Из протокола осмотра места происшествия следует: «Труп Маяковского лежит на полу, на спине. Лежит *головой к входной двери* (выделено нами. — *М.Д.*). Левая рука согнута в локтевом суставе, лежит на животе. Правая, полусогнутая, — около бедра. Голова несколько повернута вправо, глаза открыты, зрачки расширены, рот полуоткрыт. Трупного окоченения нет. На груди на 3 см выше левого соска имеется рана округлой формы, диаметром около 2/3 см. Окружность раны в незначительной степени испачкана кровью. Выходного отверстия нет. С правой стороны на спине в области

⁷ Боголепова И.Н., Боголепов Н.Н. Мозг В.В. Маяковского // Журн. неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1997. Т. 97, № 5. С. 47–50.

⁸ Там же.

последних ребер под кожей прощупывается твердое инородное тело незначительное по размеру (пуля. — *М.Д.*). Труп одет в рубашку желтоватого цвета. На левой стороне груди соответственно описанной ране на рубашке имеется отверстие неправильной формы, диаметром около 1 см. Промежду ног трупа лежит револьвер системы «Маузер», калибр 7,65, № 312045 (этот револьвер взят в ГПУ т. Гендиным). Ни одного патрона в револьвере не оказалось. С левой стороны трупа на расстоянии от туловища 1 м лежит пустая стреляная гильза от револьвера «Маузер» указанного калибра⁹.

В протоколе подробно описана комната Владимира Владимировича: «Комната, в которой находится труп, размером около 3 квадратных саженей. При входе в комнату напротив двери имеется одно окно, выходящее во двор дома. По левой стене — стол, на коем книги в сравнительном порядке, дальше — шкаф с книгами, а между столом и шкафом — сундук... По правой стене — диван и далее, около стены, что рядом с окном, письменный стол»¹⁰.

При осмотре места происшествия следователь обратил внимание на то, что в комнате и на теле потерпевшего нет следов борьбы и сопротивления: мебель аккуратно расставлена, предметы и вещи не разбросаны, ковер перед диваном расстелен, рубашка не порвана. В ящике письменного стола и висящем на стуле пиджаке Владимира Владимировича следователем были обнаружены: 2500 рублей денег, золотые перстень и кольцо. Это исключало убийство с целью ограбления.

Еще один лист из «Дела № 02-29»: «Рапорт... Судебно-медицинским экспертом установлено, что гр-н Маяковский покончил жизнь самоубийством, застрелившись из револьвера системы «Маузер» в сердце, после чего наступила моментальная смерть... Установлено, что мотивы самоубийства — отказ артистки Полонской сожительствовать с Маяковским...»¹¹.

Как известно, в 1938 году В.В. Полонская сдала в ГММ свои воспоминания, в которых по многим вопросам взаимоотношений с Маяковским пытается оправдаться. Уголовное дело, как догадывалась Полонская, было засечено, поэтому деталей самоубийства Маяковского никто не знал, и ее не могли обвинить во лжи. Маяковский из футуриста волей Сталина был возведен в лучшие советские пролетарские поэты, в народе Полонскую обвиняли, называли «Дантесом в юбке». Поэтому Вероника Витольдовна опасалась, что может быть объявлена «врагом народа», виновницей смерти пролетарского поэта.

В воспоминаниях она пишет, что «любила Маяковского», который часто ссорился с ней, бывал нередко груб, жесток и несправедлив к ней. Вечером 11 апреля они в очередной раз поссорились. На следующий день под вечер между ними по инициативе Маяковского произошло решительное объяснение. Владимир Владимирович составил план разговора из 16 пунктов и по каждому пункту объяснился с возлюбленной. «Потом мы оба смягчились, — пишет в воспоминаниях Вероника Витольдовна. — Владимир Владимирович сделался совсем ласковым. Я сказала, что буду его женой. Я это тогда твердо решила»¹².

Как известно, Владимир Маяковский все последние годы перед смертью пытался вырваться из неординарной, тройственной семьи с Бриками (Маяковский, Лиля Юрьевна и Осип Максимович Брики, так называемый «бриковский любовный коктейль», или «бриковский треугольник»). Л.Ю. и О.М. Брики с 1912 года официально состояли в браке и не собирались разводиться. Одновременно Лиля Юрьевна считалась гражданской женой Владимира Вла-

⁹ Материалы уголовного дела № 02-29. КП ГММ № 32599 (дело № 50, документ № 10, л.37–38).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Полонская В.В. Воспоминания. ГММ. Рукопись. Инв. № 22637. 184 с.

димировича, хотя в последние годы сексуальных отношений между ними уже не было. Брики не хотели отпускать Владимира Владимировича из «семьи».

Маяковский же, который обладал сильной половой конституцией и нередко влюблялся в очень красивых женщин, желал создать обычную, традиционную семью. Для «жениха» возраст у него был уже критический — почти 37 лет. Полюбив Веронику Полонскую, он с января 1930 года предлагал ей развестись с мужем (артистом Михаилом Яншиным) и выйти замуж за него. Полонская же всячески оттягивала решение вопроса. С одной стороны, ей нравилось быть рядом со знаменитым человеком и неплохим сексуальным партнером, с другой стороны, муж ее, Яншин, был намного моложе поэта, жили они дружно, без конфликтов, понимали друг друга. Яншин к тому же не был ревнив, что устраивало красавицу Веронику, имевшую много поклонников и кроме Маяковского еще одного любовника — артиста МХАТа Бориса Ливанова.

Вечером 13 апреля, по воспоминаниям Полонской, Маяковский и она встретились на вечеринке у писателя Валентина Катаева. Владимир Владимирович, несмотря на то, что Вероника пришла с мужем, продолжал приставать к ней, объясняться. «Был очень груб, всячески оскорблял меня»¹³, — жалуется она. Выяснение отношений между Маяковским и Полонской продолжалось, когда гости, простившись в 3 часа ночи с Катаевым, компанией шли по ночной Москве.

Проводив Полонскую и мужа ее Яншина до их дома, Маяковский в 9 часов утра на такси приехал за Вероникой Витольдовной и привез ее в свой рабочий кабинет на Лубянке, где с 10 часов в течение приблизительно 15 минут они находились одни и продолжали выяснять отношения. Полонская сидела на диване, Владимир Владимирович располагался у ее ног, прямо на полу. Он сидел, становился на колени, плакал. Это видел книгоноша Ш. Локтев, который принес Маяковскому книги в разгар их беседы. Через несколько минут прозвучал роковой выстрел.

В воспоминаниях В.В. Полонская утверждала, что Маяковский в комнате умолял ее бросить Яншина, развестись с ним и зарегистрировать брак с поэтом. Потом он запер дверь на ключ и требовал, чтобы она навсегда осталась жить с ним в этой комнате, бросила театр и не ходила больше к Яншину. А дальше в мемуарах Вероника пишет следующее: «Я ответила, что люблю его. Буду с ним. Но не могу остаться здесь сейчас. Я знаю, что мой муж Яншин меня любит и не перенесет ухода в такой форме... Я пойду в театр. Потом домой. Скажу все Яншину. А вечером приду к нему совсем»¹⁴. Но, по свидетельству Полонской, как только она вышла за дверь и прошла несколько шагов по коридорчику, раздался выстрел.

«Зачем же тогда поэт застрелился?»¹⁵ — резонно задает вопрос журналист В.И. Скорятин. Действительно, Полонская, после многомесячных уговоров Маяковского, наконец-то согласилась стать его женой и перейти к нему жить, а он, вместо того, чтобы петь и плясать от счастья, делиться своей радостью с Каменским, Асеевым и другими истинными друзьями, пускает себе пулю в сердце сразу после того, как «новобрачная» выходит за дверь? Полнейший абсурд!

А ведь почти все историки литературы почему-то это утверждение Полонской принимают на веру, не затрудняя себя доказательствами и размышлениями.

Но вот мы раскрываем вновь «Дело № 02-29» и продолжаем знакомиться с ним. Поскольку в воспоминаниях Полонская делает упор на то, что не могла остаться в комнате поэта, «ничего не сказав Яншину», мы изучили показания самого Михаила Михайловича Яншина следователю И. Сырцову. Вспоминая

¹³ Полонская В.В. Указ. соч.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Скорятин В. Сказано еще не все // Журналист. 1994. № 10. С. 36–44.

о событиях начала 1930 года, произошедших задолго до трагического 14 апреля, Яншин собственноручно записал: «...вдруг Нора говорит мне однажды, что Владимир Владимирович предложил ей сначала жить с ним, а впоследствии уже предлагал развестись со мной и переехать к нему»¹⁶. Таким образом, показания Яншина сразу разоблачают Полонскую в том месте воспоминаний, где она утверждает, что не могла перейти к Маяковскому, не известив об их отношениях мужа. Оказывается, Яншин уже давно был в курсе дел: знал об отношениях Маяковского и Полонской, о желании поэта жениться на Веронике.

А сейчас приведем выдержки из показаний самой гражданки Полонской В.В. следователю И. Сырцову. Цитируем: «Он [Маяковский] все время был навязчив, и чтобы я сказала ему окончательно о своем решении, что и произошло 13 апреля тек. года при встрече, то есть что я его не люблю, жить с ним не буду, также как и мужа бросить не намерена». Вторая цитата — об их разговоре 13 апреля: «Он меня спрашивал, как я решаю; я ему говорила, что по этому поводу имела разговор с мужем, который предложил мне, чтобы я прекратила с ним встречи. На это он отвечал: «а как же я?» На это я ему сказала, что я его не люблю и жить с ним не буду, прося его, чтобы он оставил меня в покое». О последнем предсмертном разговоре с поэтом в комнате на Лубянке 14 апреля: «Просил меня, чтобы я с ним осталась жить... Я ему ответила, что ЭТО НЕВОЗМОЖНО, ТАК КАК Я ЕГО НЕ ЛЮБЛЮ» (выделено мною. — М.Д.).

И, наконец: «Причина самоубийства Маяковского мне неизвестна, но надо полагать, что главным образом послужил мой отказ во взаимности»¹⁷.

Способна ли была Полонская в принципе на ложь, обман, недостойные поступки? Ее близкий знакомый, сатирик Виктор Ардов, с пеной у рта защищал Полонскую, утверждая, что она — де и честная, и чуткая, и принципиальная, и вообще «прекрасный экземпляр человека».

Однако анализ документов показывает, что Полонская нередко лгала и обманывала, совершала необдуманные и легкомысленные поступки.

Например, есть свидетельство друга Маяковского Николая Асеева, утверждавшего, что, когда Владимир Владимирович в последние дни жизни говорил, что не может без нее жить, Нора с удивительной легкостью отвечала ему: «Ну и не живите!»¹⁸. Она говорила Маяковскому, что занята в театре на репетиции, а сама в это время ходила в кино с Б. Ливановым или М. Яншиным. Она 13 апреля солгала Владимиру Владимировичу, что не пойдет в гости к В.П. Катаеву, и Маяковский поймал ее на лжи, зайдя к писателю.

Следователю И. Сырцову Вероника солгала, заявив, что не жила половой жизнью с Маяковским, но соседи поэта по коммунальной квартире выдали ее, показав обратное. В дальнейшем же было установлено, что она, изменяя мужу, не только имела регулярные (часто ежедневные) интимные отношения с Маяковским, но и была беременна от поэта и даже делала аборт!

По нашему мнению, несчастливая любовь Маяковского к Полонской, отказ ее выйти замуж за Владимира Владимировича, крах его надежд на создание семьи — главная, конкретная причина самоубийства великого русского поэта.

Однако наш анализ показывает, что причин для ухода поэта из жизни было несколько, то есть самоубийство Маяковского имело полиэтиологический характер. Кроме главной причины были причины предрасполагающие.

1. Суицидомания.

2. Расстройства нервно-психической сферы иного характера (врожденная психопатия, сложный невроз смешанного генеза осенью 1929 — весной 1930

¹⁶ Протокол допроса Яншина М.М. Материалы уголовного дела № 02-29. КП ГММ № 32599 (12) (дело № 50, документ № 10, л. 52–56).

¹⁷ Протокол допроса Полонской В.В. Материалы уголовного дела № 02-29. КП ГММ № 32599 (5) (дело № 50, документ № 10, л. 40–42).

¹⁸ Асеев Н. Беседа с Г.И. Поляковым 24 сентября 1936 г. В кн.: Следств. дело. С. 464.

года, именуемый маяковсковедами «неврастенией», явления простого — не патологического! — аффекта 13 и 14 апреля 1930 года).

3. Доведение до самоубийства или внушение его (Л.Ю. и О.М. Бриками, бриковским окружением).

Это версия В. Дядичева, К. Кедрова и их многочисленных сторонников. Кстати, В.В. Полонскую в «подруги» к Маяковскому выбрала Лиля Брик, оценив ее качества во время съемок своего фильма «Стеклянный глаз», а познакомил Веронику с Маяковским на московском ипподроме 13 мая 1929 года Осип Максимович Брик! Супруги понимали легкомысленный характер Полонской, прочность ее брака с Яншиным и предвидели, что Маяковскому не удастся создать семью с Вероникой, а еще одна драматическая ситуация может привести к реализации суицидомании.

4. Неудачная любовь к Татьяне Яковлевой.

Прагматичная русская парижанка предпочла в декабре 1929 года другого, тем самым грубо унизив поэта, нанеся жестокий удар по его самолюбию. К 14 апреля 1930 года Яковлева в сознании Маяковского отодвинулась на второй план, но нанесенная ею тяжелая рана еще не затянулась.

5. Неблагоприятное состояние здоровья (затяжной ринофаринголаринготрахеобронхит, часто рецидивирующий грипп, ослабление иммунитета). Физическое нездоровье в 1929–1930 годах мешало поэту нормально жить и работать, вызывало психическую депрессию.

6. Неудачи в литературной и общественной деятельности.

Это разрыв с левовцами и трудности вхождения в РАПП, относительная неудача пьесы «Баня» и выставки «XX лет работы», травля в печати.

***

В годы перестройки и гласности как грибы после дождя стали появляться версии об убийстве В.В. Маяковского.

В основе многих из них лежали несовпадения данных о расположении тела поэта после выстрела и марке оружия, обнаруженного возле тела, а также странные изменения на лице погибшего.

Согласно воспоминаниям современников поэта, тело непонятным образом «перемещается» в «комнатенке-лодочке». Николай Денисовский, чьи воспоминания мы приводили выше, утверждал, что Маяковский лежал головой к окну, ногами — к двери, а поэт Николай Асеев и соседка Маяковского по дому Регина Гуревич свидетельствовали о том, что тело лежало головой близко, почти вплотную, к двери. В материалах следствия, которые мы приводили, указано, что покойник лежал на спине, головой к двери.

Журналист В. Скорятин сделал предположение¹⁹, что тело умышленно передвинули чекисты (Я. Агранов и другие), набежавшие в комнату Маяковского после его гибели и курировавшие следствие.

Представим ситуацию: после того, как Полонская вышла от Маяковского, в дверь постучал убийца. Маяковский открывает дверь, оказывается лицом к лицу с убийцей и возмущенно кричит. Последний стреляет в грудь поэту, выстрел опрокидывает Маяковского навзничь, и он падает на спину, ногами к двери. Валентин Скорятин считает: чтобы замести следы, чекисты, «виновные в убийстве поэта», изменили положение убитого, переложив его головой к двери.

Однако все это домыслы. При выстреле в грудь, произведенном как самим самоубийцей, так и посторонним человеком, пострадавший мог упасть как вперед, так и назад.

Как же тогда объяснить перемещение тела?

¹⁹ Скорятин В. Послесловие к смерти // Журналист. 1990. № 5. С. 52–62.

Возможна аберрация памяти, ибо Денисовский и другие авторы воспоминаний писали их не по горячим следам.

Находясь в мемориальной комнате В.В. Маяковского, я обратил внимание, какая теснота при входе в нее. Достаточно узкая дверь, слева к ней примыкает камин, справа — диван. Если мысленно представить рослого, крупного человека, лежащего головой у самых дверей, то вход и выход из комнаты затруднен. Очевидно, тело могли переместить из этих соображений, чтобы оно не мешало в дверях. Это могли самовольно сделать соседи по коммунальной квартире, первыми прибежавшие в комнату. Такой факт вспоминает Н.И. Левина²⁰: она, тогда маленькая девочка, видела перекладывание тела, сделанное по совету соседки из 11-й квартиры, Лидии Дмитриевны Райковской.

Известно, что при осмотре места происшествия следственная бригада для фотографирования перекладывала тело на диван, возможно, с целью улучшения условий освещения (не было вспышки?). В таком положении тела на диване (я убедился в этом, осматривая саму комнату) свет из единственного окна должен был хорошо осветить лицо и простреленную грудь поэта. После фотографирования тело с дивана могли переложить произвольно, не на прежнее место, и часть мемуаристов увидели его уже в другом, не первоначальном положении. Кроме того, пострадавшего могла переложить бригада «скорой медицинской помощи» для улучшения условий осмотра и предполагаемого оказания помощи в случае обнаружения каких-либо признаков жизни. Допрашивая Полонскую, следователи и гэнэушники могли вернуть переложное медиками или соседями тело в первоначальное положение.

Как бы то ни было, перемещение тела в комнате ничего не дает в плане доказательства убийства Маяковского.

Есть еще один факт, свидетельствующий вроде бы о возможном насильственном устранении поэта. В уже приведенном отрывке воспоминаний Е. Лавинской сказано, что мертвый Маяковский лежал с «широко раскрытым в отчаянном крике ртом»²¹. Художница особенно подчеркивала то обстоятельство, что больше эту фотографию она нигде не видела. Она подозревала Я.С. Агранова и других сотрудников ОГПУ в убийстве поэта и сокрытии улик, в том числе в уничтожении этой фотографии. Размышляя о воспоминании художницы Лавинской, В.И. Скорятин удивлен («самоубийца кричит перед выстрелом?») и делает вывод: лицо Маяковского выражает возмущение непрошенным вторжением к нему в комнату постороннего человека — убийцы!

Однако фотография, которую видела Лавинская, никуда не исчезла! Я установил ее местонахождение. Она хранится в ГММ под инвентарным номером 8719, поступила в музей в 1956 году от П.А. Чумака. К настоящему времени установлено, что это самая ранняя фотография скончавшегося Маяковского, выполненная во время осмотра места происшествия кадровым фотографом ОГПУ В. Поповым. Есть еще одна фотография мертвого Маяковского, сделанная в его комнате по Лубянскому проезду. Там рот у поэта закрыт. На обеих фотографиях тело Маяковского лежит на диване. Указание Е. Лавинской на то, что Маяковский сфотографирован на полу, — огрехи памяти, ведь художница видела фотографию всего несколько секунд.

На оригинальной фотографии, которую показывали Е. Лавинской, Маяковский лежит на спине, рот его действительно открыт, голова запрокинута, рубашка расстегнута (вероятно, после попытки оказания медицинской помощи). Однако при взгляде на фотографию у меня совершенно нет того ощущения ужаса, которое испытала, как она пишет, Лавинская, не знакомая с медициной вообще и судебной медициной в частности.

Кстати, кричать перед смертью могут и самоубийцы. Из следственной практики известно много случаев, когда самоубийцы с криком выбрасываются из окон домов, прыгают с большой высоты; кричат после выстрела в голову

²⁰ Там же. С. 53.

²¹ Денисовский Н.Ф. // Научная библиотека МГУ. Ф. n 776.

и, обратите внимание, в сердце. Ни жильцы коммунальной квартиры № 12, ни соседи из других квартир дома не слышали крика Маяковского, а ведь у того был знаменитый бас-профундо, а мощность голоса позволяла выступать без микрофона в огромных аудиториях.

Как же можно объяснить открытый рот у мертвого Маяковского?

Известный судмедэксперт, профессор А.В. Маслов, отвечает на это следующим образом: «После смерти человека тело расслабляется, мышцы на определенное время становятся мягкими, приходят как бы в состояние покоя. У покойника приоткрывается рот, отвисает нижняя челюсть, что, собственно, и отражено на первой фотографии мертвого Маяковского»²².

Во времена перестройки, в марте 1989 года, популярный телеведущий программы «До и после полуночи» Владимир Молчанов показал телезрителям фотографию Маяковского, сделанную в день его кончины (это вторая фотография из упоминавшихся нами). На светлой рубашке слева явственно обозначено темное пятнышко — след выстрела. На правой стороне груди пропечаталось затемнение, и на виске — нечто похожее на ссадину. Ведущий программы В. Молчанов задал телезрителям вопрос: так самоубийство это или... Он не договорил, но всему 300-миллионному населению Советского Союза, прильнувшему в этот поздний час к голубым экранам, сразу стало ясно, что «Маяковского убили». Когда кому-нибудь сейчас доказываешь обратное, на тебя смотрят словно на пещерного человека.

Ленинградский поэт Борис Лихарев в траурные апрельские дни 1930 года стоял в почетном карауле у гроба поэта. Через несколько дней, вернувшись в Ленинград, он записал: «Лицо Маяковского с разбитой левой скулой и посережшими губами... лежит вровень с моими плечами»²³.

В июне 1989 года в питерской телепрограмме «Пятое колесо» художник А. Давыдов показал посмертную маску, снятую с лица Маяковского скульптором К. Луцким 14 апреля 1930 года. По мнению художника, на маске ясно видно — у покойника сломан нос! Стало быть, высказал свою точку зрения Давыдов, поэт упал лицом вниз, а не на спину, как бывает, по его мнению, при выстреле в самого себя.

Некоторые журналисты пошли еще дальше и заявили, что нос и скулу Маяковскому сломал убийца, когда рослый и сильный поэт пытался сопротивляться, пока не получил пулю в сердце.

И.Ю. Булкин²⁴ считает, что сразу после ухода Полонской из комнаты преступник ворвался к Маяковскому, который возмущенно закричал, не менее двух раз с очень большой силой ударил поэта по лицу, сломав ему нос и повредив скулу. Затем оглушенному поэту вложили в руку пистолет и сымитировали самоубийство. Как известно, отпечатки пальцев с оружия и предметов квартиры следователи не снимали, что было ошибкой.

Как следует из следственного дела № 02-29, по данным осмотра места происшествия и наружного исследования трупа Маяковского, никаких повреждений на лице не было. Это зафиксировал в протоколе и удостоверил своей подписью помимо следователя Синева и понятых врач-судмедэксперт Рясенцев, осмотревший тело.

Небольшие поверхностные повреждения возникли вечером 14 апреля, когда покойник уже находился в своей квартире в Гендриковом переулке. Свидетель этого художник Денисовский позднее рассказывал: «Вдруг приехал такой скульптор Луцкий... И он начал снимать с него маску. И снял очень плохо. Он ободрал ему лицо»²⁵.

²² Маслов А.В. Автограф смерти // Медицинский вестник. 2001. № 14. С. 15.

²³ Лихарев Б. В Москве // «Владимир Маяковский». Однодневная газета Ленинградского отдела ФОСП. 1930, 24 апреля. С. 4.

²⁴ Булкин И.Ю. Тайны смерти великих людей. М.: Рипол классик, 2001. С. 193–196.

²⁵ Денисовский Н.Ф. // Научная библиотека МГУ. Ф. n 776.

Возмущенный Денисовский пригласил известного скульптора С.Д. Меркурова, который уже по всем правилам, искусно снял маску (она в настоящее время экспонируется в зале ГММ).

У научных работников-маяковсковедов я узнал обстоятельства дела. Скульптор К.Л. Луцкий, первый снимавший посмертную маску, очевидно, из-за недостаточной смазки лица покойного вазелином сорвал кожу со щеки и надломил переносицу. Таким образом, поверхностные повреждения на лице, которые уловил зоркий глаз Б. Лихарева, образовались в результате небрежного снятия гипсовой маски, а не вследствие нанесения ударов по лицу поэта гипотетическим убийцей, как утверждает И.Ю. Булкин.

Вернемся к версии тележурналиста В. Молчанова. Поскольку на фотографии мертвого Маяковского, которую он показал телезрителям, было два следа огнестрельного ранения (на левой и правой сторонах груди), самоубийство как причина смерти автоматически отпадало. Ведь не мог же самоубийца выстрелить в себя дважды?

Чтобы опровергнуть гипотезу Молчанова, нашли оригинал «сенсационного» снимка в ГММ. Оказалось, что на оригинальной фотографии никакого пятна на правой стороне груди нет, как нет и «следа» ссадины на виске! Но они имеются на фотокопии, которую услужливые дезинформаторы подсунули Молчанову. Так буквально из ничего родилась сенсация.

Как могли появиться искажения на фотографии? Или был обычный фотомонтаж, или искажения изображения возникли вследствие технических огрехов при многократной пересъемке фотографии.

То, что на теле имелась одна огнестрельная рана, следует из протокола осмотра места происшествия и цитированных воспоминаний Денисовского, передевавшего мертвого поэта. Кроме того, в ГММ хранится рубашка, которая была на поэте в момент выстрела (инвентарный № М-671). Рубашка эта, судя по отметке фирмы, изготовлена в Париже (поэт носил исключительно заграничные вещи), бежево-розового цвета, сшита из хлопчатобумажной ткани. Спинка ее рассечена уступообразно ножницами, что согласуется с воспоминаниями Денисовского, разрезавшего ее, чтобы снять с покойника. Таким образом, сразу же опровергается версия о следах двух выстрелов на рубашке.

Из какого оружия стрелял в себя Маяковский?

Данные современников поэта значительно различаются между собой. В «Красной газете» указан наган, В. Катанян и В. Катаев говорят о маузере, Н. Левина называет револьвер, Н. Денисовский и П. Лавут пишут о браунинге.

Кто же из них прав?

Истина заключается в том, что все они говорят об одном и том же короткоствольном пистолете, который лежал на полу между ног поэта, однако, будучи дилетантами по этому вопросу, по-разному его называют!

Вновь обращаемся в ГММ и открываем папку с материалами следственного дела Маяковского. В акте осмотра места происшествия назван пистолет системы «Маузер», № 312045, калибра 7,65, найденный возле тела. По материалам дела оказалось, что Маяковский, очень любивший оружие и всегда его носивший (он страдал навязчивым неврозом с фобиями нападения на него, заражения и т.п.), имел в разное время разрешения на револьвер «Велсдок», два пистолета «Браунинг», пистолеты «Баярд» и «Маузер». Разрешение на «Маузер» было действительно по 1 декабря 1928 года, к сожалению, номер пистолета в удостоверении не указан.

К моменту изучения документов, касающихся оружия Маяковского, нам была известна точка зрения В.И. Скорятина. Журналист утверждал, что к дню трагедии «маузера на руках у Маяковского не было». Поэтому, по его мнению, нахождение маузера возле тела поэта доказывает, что стрелял кто-то другой, что это было убийство. Масла в огонь подлило то обстоятельство, что среди вещественных доказательств к следственному делу была приложена кобура, в которой находился не маузер № 312045, а браунинг № 268979.

По мнению В. Скорятина, в апреле 1930 года у Маяковского были на руках только браунинг № 268979 и баярд, а маузер уже был сдан. По логике, Маяковский не мог застрелить себя из оружия, которого не имел. Следовательно, некто убил поэта из маузера и впопыхах оставил пистолет на месте преступления. Затем маузер изъяли из дела, чтобы скрыть истинного преступника, и приложили к делу в качестве вещдока личный браунинг самоубийцы. Вроде бы все логично.

Однако научные сотрудники ГММ объяснили мне, что в природе не существует ни одного документа, подтверждающего, что указанные единицы оружия были поэтом когда-либо сданы. По научным исследованиям маяковсковедов, не установлено ни одного эпизода в биографии поэта, когда бы он сдавал оружие. То есть, получив разрешение на то или иное оружие, по истечении срока действия удостоверения он оружие обратно не сдавал, а продолжал хранить у себя. Есть свидетельства современников поэта, доказывающие, что у Маяковского в 1930 году был на руках маузер.

Но тогда непонятна цель совершенной во время следствия подмены оружия. Попробуем разобраться в этом.

Большинством маяковедов считается, что маузер был подарен Владимиру Владимировичу видным харьковским чекистом В.М. Горожаниным. Из материалов дела известно, что маузер изъял с места происхождения С.Г. Гендин — начальник контрразведывательного отдела ОГПУ. Возможно, Гендин прикрыл Горожанина и вместе с ним — все ведомство ОГПУ. Ведь вышестоящее начальство могло придаться к тому, что сотрудник ОГПУ зачем-то в мирное время подарил гражданскому человеку оружие, из которого тот в итоге застрелился. Кроме того, удостоверение было просрочено, а ОГПУ не проконтролировало своевременную сдачу оружия. Погибший был известен на всю страну, и огрехи ОГПУ по данному вопросу могли иметь большой резонанс. Поэтому вместо забранного Гендиным маузера в качестве вещдока вскоре подложили браунинг, на который Маяковский имел законное, не просроченное удостоверение.

В 1995 году в Федеральном центре судебных экспертиз была проведена научная экспертиза браунинга модели 1900 года, № 268979, калибра 7,65, пули и гильзы, которые в качестве вещдоков имелись в уголовном деле № 02-29. Химический анализ налета в канале ствола браунинга позволил сделать вывод: «Из представленного на исследование пистолета «Браунинг» модели 1900 года после последней чистки выстрел не производился»²⁶. Это означало, что 14 апреля 1930 года смертельный выстрел был произведен не из этого пистолета.

Известно, что каждая марка оружия оставляет на пуле и гильзе свои характерные, специфические следы. Была исследована пуля, извлеченная из тела Маяковского на вскрытии и приложенная к делу. При исследовании оказалось, что эта пуля является частью 7,65 мм патрона браунинга образца 1900 года, но «калибр пули, количество следов, ширина, угол наклона и правосторонняя направленность следов свидетельствуют, что исследуемая пуля была выстрелена не из пистолета «Браунинг» модели 1900 г., № 268979, а из пистолета «Маузер» модели 1914 г.»²⁷. При исследовании гильзы, подобранной на полу комнаты Маяковского, установлено, что исследуемая гильза патрона браунинга также была стреляна в маузере модели 1914 года.

Результаты экспериментальной стрельбы окончательно подтвердили, что пуля патрона браунинга была выстрелена не из браунинга № 268979, а из маузера калибра 7,65.

Оказывается, гильза производства известной патронной фирмы «Густав Геншов и К^о» одинаково подходила и к маузеру, и к браунингу. Маяковский зарядил маузер патроном от браунинга.

²⁶ Заключение Российского Федерального центра судебной экспертизы об исследовании пистолета «Браунинг» № 268979, пули и гильзы. ГММ. Инв. № Н.В.5709.

²⁷ Там же.

Таким образом, результаты проведенных исследований в Федеральном центре судебных экспертиз подтвердили, что Маяковский застрелился из мазера калибра 7,65, что полностью совпадает с записью в протоколе осмотра места происшествия.

Наиболее популярной и цитируемой версией убийства Маяковского является версия В.И. Скорятина: «Представим, Полонская, выйдя из комнаты Маяковского, быстро спускается по лестнице. Дверь в комнату поэта открывается. На пороге — некто. Увидев в его руках оружие, Маяковский возмущенно кричит. Выстрел. Поэт падает. Убийца подходит к столу. Оставляет на нем письмо. Кладет на пол оружие. И прячется затем в ванной или туалете. И после того, как на шум прибежали соседи, черным ходом попадает на лестницу. С Мясницкой, свернув за угол, выходит на Лубянский проезд. А из ЦК уже спешат Кольцов, Третьяков. И он случайно сталкивается с ними у подворотни. Втроем они пересекают двор, поднимаются в коммуналку, входят в комнату, где лежит Маяковский»²⁸. Фамилия убийцы — Агранов, так как маяковедами давно установлено, что одними из первых после рокового выстрела в коммунальной квартире появились М. Кольцов, С. Третьяков и Я. Агранов, пришедшие все вместе.

Яков Саулович Агранов — начальник секретного отдела ОГПУ, один из лучших друзей Л.Ю. и О.М. Бриков, знакомый с Маяковским. На совести Агранова — сотни загубленных людей.

Важнейшее значение в версии Скорятина имеет наличие черного хода в коммунальной квартире. Обратимся к плану квартиры. Как известно, в конце 1960-х годов жильцов дома № 3 по Лубянскому проезду переселили в отдельные квартиры, а здание затем перестроили, превратив в Государственный музей В.В. Маяковского. Сохранили в первозданном виде как своеобразные достопримечательности музея только лестницу, ведущую до 4-го этажа, лестничную клетку перед входом в квартиру № 12, переднюю и комнату Маяковского. Перегородки всех остальных комнат и кухни в квартире был снесены, произведена значительная перепланировка с созданием здесь зала музея.

Как мы выяснили, на плане строителей черного хода не было! Но мы поверили В.И. Скорятину, который всех убеждал, что при жизни Маяковского черный ход существовал. Это была дверь, через которую прямо из кухни можно было выйти на другую лестницу и затем — во двор с другой стороны здания (ныне это приблизительно то место где расположен вход в ГММ). Скорятин уверяет, что о наличии здесь ранее черного хода ему подсказали бывшие жильцы дома Н. Левина и Л. Татарийская. Затем дверь черного хода заложили кирпичом.

Для того чтобы разобраться с версией Скорятина, в ноябре 2007 года я специально выезжал в Москву и еще раз тщательно рассматривал в ГММ ту часть здания, которая сохранилась со времен Маяковского практически в неизменном виде.

Первая нестыковка в версии Скорятина видна сразу. От парадного входа в ГММ я вышел на Мясницкую, повернул за угол, выйдя на Лубянский проезд, и дошел до длинной, узкой подворотни — арки, то есть до того места, где Агранов должен был столкнуться с Кольцовым и Третьяковым. Этот путь занял у меня всего 3 минуты. А сейчас мысленно представьте, сколько времени прошло от момента гибели Маяковского до появления в коммунальной квартире тройцы (Кольцов—Третьяков—Агранов)? В 11-м часу П. Лавут — импресарио поэта — узнал о трагедии (его догнала в Гендриковом переулке домработница квартиры Маяковского—Бриков, которой горестную весть сообщили по телефону). Лавут проехал немалое расстояние от Таганки до Лубянки и, увидев Маяковского мертвым, позвонил в ЦК ВКП (б). Оттуда прибежали Кольцов и Третьяков. По крайней мере, все это заняло не меньше часа.

²⁸ Скорятин В. Послесловие к смерти // Журналист. 1990. № 5. С. 52–62.

Действительно, убийца (Агранов или таинственный некто) теоретически мог спрятаться в туалете или ванной, которые сейчас не сохранились, но видны на плане коммунальной квартиры.

В.В. Полонская свидетельствовала, что услышала выстрел у парадной двери. Предположим, Полонская в воспоминаниях имела в виду не парадную дверь квартиры, а дверь подъезда на 1-м этаже. Если бы она спустилась с 4-го этажа, где жил поэт, до первого по парадной лестнице, то некто успел бы пробежать путь от ванной или туалета, где скрывался, открыть дверь комнаты Маяковского, выстрелить в него, положить на пол оружие, на стол — заготовленное предсмертное письмо и проделать обратный путь до своего убежища.

Однако могла ли женщина, спешившая на репетицию, от парадной двери первого этажа слышать слабый звук выстрела (хлопок из маузера), прозвучавший на 4-м (!) этаже за двумя плотными дверьми (дверь в квартиру и дверь в комнатенку-лодочку)? Очень сомнительно, ведь даже находившиеся на кухне коммунальной квартиры (около четырех с половиной метров от комнаты поэта) соседи Скобина и Кривцов слышали негромкий звук («какой-то хлопок», «как из пугача»). Но даже если Полонская и услышала хлопок, похожий на выстрел, то почему она должна была думать, что этот звук донесся из комнаты Маяковского? Стоя на первом этаже у этой специально сохраненной в ГММ глухой, полутемной лестницы, я размышлял над такими вопросами.

Далее. Полонская вспоминает, что когда она вбежала в комнату Маяковского, то в ней «еще стояло облачко дыма от выстрела»²⁹.

Могла ли женщина в повседневной, не спортивной, одежде (согласно показаниям Н. Скобиной — в модных туфлях, длинном пальто, шляпе), услышав хлопок, пробежать по полутемной, неудобной лестнице с 1-го до 4-го этажа, открыть своим ключом дверь коммунальной квартиры, затем распахнуть дверь не запертой на ключ комнаты Маяковского и успеть увидеть маленькое облачко от бездымного пороха? Как быстро Полонская могла добежать до «комнатенки-лодочки»?

Подойдя у гардероба к студенческой группе, ждущей начала экскурсии, я рассказал о сути дела и попросил помочь мне в «следственном эксперименте». Это вызвало живой интерес у студентов. Мы выбрали двадцатилетнюю девушку на невысоких каблуках в длинном модном пальто и отправились к лестнице. Мнимая современная «Полонская» пробежала путь от первого этажа до двери «комнатенки-лодочки» Маяковского, с имитацией открывания ключом двери коммунальной квартиры, за 48 секунд. Это очень большой промежуток времени.

Теперь абсолютно ясно, какую дверь имела в виду Полонская, когда писала в показаниях и воспоминаниях, что «прошла несколько шагов до парадной двери». Это дверь коммунальной квартиры № 12.

Но в таком случае разваливается вся версия Скорятина. С удивлением я осматриваю площадь маленькой передней, три стены которой сохранены до сих пор. Комната Маяковского — первая к парадной двери.

Беру рулетку и с разрешения работников ГММ измеряю расстояние от закрытой двери комнаты Маяковского до парадной двери коммунальной квартиры — всего лишь 3 м 12 см! От парадной двери — вся малюсенькая передняя буквально как на ладони. Держа в руках старый план дома 1920–1960-х годов, вместе со служащими ГММ мысленно прикидываем, где раньше были туалет, ванная и кухня. Убеждаюсь, что теснота ужасная, все расположено рядом, все обзревается!

По плану квартиры № 12, которая была здесь во времена Маяковского, расстояние от двери комнаты поэта составляет: до двери в туалет — 3,3 м, ванной — 5 м, начала кухни — 4,5 м. Причем из кухни, где находились в момент так называемого «убийства» Н. Скобина и девочка Левина, отлично видно

²⁹ Полонская В.В. Воспоминания. ГММ. Рукопись. Инв. № 22637. 184 с.

часть общего коридора, куда открываются двери ванной и туалета, половину площади передней и даже край двери в комнату Маяковского.

Сопоставляю план квартиры № 12, увиденное в сохраненной части квартиры, воспоминания Полонской и показания Скобиной и Кривцова. Становится ясно, что Полонская прошла эти 3 метра до парадной двери квартиры, услышала выстрел, в замешательстве заметалась перед дверью Маяковского, что длилось всего несколько секунд, приоткрыла дверь, а затем, стоя на пороге или у порога комнаты, крикнула: «Спасите, помогите, Владимир Владимирович застрелился!» — и вместе с подбежавшими соседями Скобиной, Кривцовым и девочкой Левиной вбежала в комнату Маяковского. От момента выстрела все это длилось не более 5–10 секунд.

Мифический преступник (Агранов или некто) никак не мог за это время выполнить свое «злодеяние» и тем более вернуться обратно в убежище. Это если учитывать только временные характеристики.

А если иметь в виду и пространственные условия — размеры и планировку квартиры, — совершение убийства по версии Скорятина также абсолютно нереально. Преступник теоретически еще мог за спиной Полонской, направляющейся к парадной двери, заскочить в комнату и выстрелить в Маяковского. Но, выскочив из комнаты обратно в переднюю, он обязательно должен был наткнуться на Полонскую и бежавших к передней соседей. Проскочить в «убежище» мимо них было невозможно. Однако ни актриса, ни молодые соседи Маяковского никого не видели.

Кроме того, как мог преступник незамеченным попасть и свободно расхаживать по коммунальной квартире, прятаться в туалете? Стал бы преступник, тем более такой опытный человек, как Агранов, в таких сложных условиях планировать и совершать убийство: тесная квартира с большим количеством жильцов, оба пути отхода после совершения преступления отрезаны (через парадную дверь должна уходить Полонская, а черный ход отрезан громко разговаривающими на кухне соседями)?

В частных беседах я уяснил: из научных сотрудников ГММ, а это — все знающие и опытные маяковеды, никто не верит в убийство поэта!

В заключение хотелось бы привести замечательные слова директора ГММ С.Е. Стрижневой, которые касаются абсолютно всех версий убийства Маяковского: «Сторонники гипотезы об убийстве поэта должны задаться вопросами, почему, «тщательно готовя акцию устранения», ее разработчики остановились на таком трудном способе устранения, как самоубийство? Зачем надо было убивать Маяковского в коммунальной квартире, в присутствии соседей. Можно было инсценировать смерть без эффектных выстрелов с подменой оружия, писанием подложного письма и многочисленными свидетелями»³⁰.

***

Окончательный вывод о том, что Маяковский застрелился сам, сделан в результате современного исследования сохранившейся рубашки поэта, в которой он находился в момент выстрела. Несмотря на то, что это исследование выполнено еще в 1991 году, оно или замалчивается, или подвергается сомнению сторонниками версии убийства. Поэтому считаю своим долгом поподробнее остановиться на нем.

Экспертное исследование было выполнено в НИИ судебной медицины комиссией в составе профессоров А.В. Маслова (судебно-медицинского эксперта высшей категории), Э.Г. Сафронского (специалиста по судебно-баллистической экспертизе) и И.П. Кудешевой (эксперта по исследованию следов выстрела). Все трое являлись наиболее крупными в нашей стране спе-

³⁰ Стрижнева С.Е. «И, пожалуйста, не сплетничайте...» Предисловие к книге «Следств. дело М.». С. 26.

циалистами в своей области. Чтобы избежать необъективности, экспертам не было сообщено, чью рубашку они исследуют.

Вначале идентифицировали полученную из ГММ рубашку с рубашкой, которая запечатлена на посмертных фотографиях Маяковского. На специально увеличенных фотографиях тела Маяковского, сделанных на месте происшествия, на рубашке хорошо различимы рисунок ткани, фактура, форма и локализация пятен крови, огнестрельного повреждения. Полученную из ГММ рубашку сфотографировали в том же ракурсе, с тем же увеличением и произвели фотосовмещение. Абсолютно все детали совпали, то есть научными методами было установлено, что именно эта рубашка была на Маяковском в момент выстрела.

Экспертам предстояла трудная работа — найти на рубашке следы выстрела более чем шестидесятилетней давности и установить его дистанцию. В судебной медицине и криминалистике принято различать три дистанции: выстрел в упор, выстрел с близкого расстояния и выстрел с дальнего расстояния. Если будет установлено, что 14 апреля 1930 года в комнате Маяковского прозвучал выстрел с дальней дистанции, значит, кто-то стрелял в поэта.

Были обнаружены характерные для выстрела в упор линейные повреждения крестообразной формы (они возникают от действия отражаемых от тела газов в момент разрушения ткани снарядом). Не полностью сгоревших следов пороха, копоти и следов опаления как в самом повреждении, так и на участке ткани, прилегающем к нему, обнаружено не было. Это также характерно для выстрела в упор.

Большое значение имело использование современного диффузно-контактного метода. Для того чтобы результаты были доказательными и наглядными, эксперты выполняют оттиски-контактограммы, на которых проявляется распределение продуктов выстрела, в частности металла, вокруг повреждения. При выстреле из канала ствола вылетает раскаленное облако, струя, которая сопровождает пулю, окутывает ее. На некотором расстоянии они летят вместе. А затем пуля начинает опережать это облако и улетает дальше, а струя тормозится. Если выстрел произведен с дальней дистанции, то облако не долетает до объекта, если было небольшое расстояние между преградой (в данном случае рубашкой) и оружием, то тогда газо-пороховое облако оседает на этой рубашке.

При использовании высокоэффективного диффузно-контактного метода определения сурьмы были получены точные и достоверные результаты. Метод был внедрен в 1987 году профессором С.А. Николаевой. Сурьма является компонентом капсюльного состава. Важно, что она мало распространена в природе. Было установлено, что вокруг повреждения на рубашке располагается обширная зона отложения сурьмы, имеющая очень характерную для выстрела в упор топографию. Отложение сурьмы носило секторальный характер — признак того, что дульный срез был прижат к рубашке под углом, так называемый боковой упор. Интенсивная металлизация в левой части — признак того, что выстрел был произведен справа налево, почти в горизонтальной плоскости, с небольшим наклоном книзу.

Обнаружение следов выстрела в боковой упор (дульный срез прижат к поверхности не по всей окружности, а лишь частью ее), отсутствие следов борьбы и самообороны характерны для выстрела, произведенного собственной рукой!

По проведенному исследованию комиссия экспертов в «Заключении» сделала следующие выводы:

«1. Повреждение на рубашке В.В. Маяковского является входным огнестрельным, образованным при выстреле с дистанции боковой упор в направлении спереди назад и несколько справа налево почти в горизонтальной плоскости». (Это означает, что человек стрелял в себя сам.)

«2. Судя по особенностям повреждения и наличию малых по размерам линейных разрывов ткани, отходящих от основного повреждения на рубашке, а

также по отсутствию выходного повреждения, на месте происшествия было применено короткоствольное оружие (например, пистолет) и был использован маломощный патрон». Это полностью соответствует результатам экспертизы, проведенной в 1995 году в Федеральном центре судебных экспертиз, доказавшей, что Маяковский застрелил себя из пистолета системы «Маузер» модели 1914 года, заряженного пулей от браунинга калибра 7,65 мм.

«3. Небольшие размеры пропитанного кровью участка, расположенного вокруг входного огнестрельного повреждения, свидетельствуют об образовании его вследствие одномоментного выброса крови из раны, а отсутствие вертикальных потеков крови указывает на то, что сразу после получения ранения В.В. Маяковский находился в горизонтальном положении, лежа на спине». Это означает, что Маяковский не падал лицом вниз, на грудь, и не мог разбить лица при падении; выводами заключения закончен спор о положении тела Маяковского после выстрела. Он лежал действительно на спине на полу, как и указано в протоколе следователя.

«4. Форма и малые размеры помарок крови, расположенных ниже повреждения, и особенность их расположения по дуге свидетельствуют о том, что они возникли в результате падения мелких капель крови с небольшой высоты на рубашку в процессе перемещения вниз правой руки, обрызганной кровью, или с оружия, находившегося в той же руке»³¹.

Еще одно свидетельство в пользу самоубийства и доказательство того, что Маяковский произвел выстрел правой рукой, а не левой, как ошибочно считали некоторые после вскрытия.

Журналисты спрашивали ведущего эксперта, профессора А.В. Маслова, сразу после обнародования результатов исследования: «Бывает и имитация самоубийств; может быть, самоубийство Маяковского сымитировали?»³²

Александр Васильевич на этот и подобные вопросы устно и в печати отвечал следующим образом: «В экспертной практике очень редко, но встречаются такие случаи. Можно подойти и выстрелить в упор. Можно инсценировать один, два, пять признаков. Но весь комплекс признаков фальсифицировать невозможно. Здесь слишком много устойчивых совпадающих признаков: распределение крови, сурьмы»³³.

На первый взгляд кажется, что капли крови на рубашке могли возникнуть как следы кровотечения из раны, — пояснял далее А.В. Маслов. Но они не связаны с основным источником пропитывания — пятном крови на рубашке поэта округлой формы, не имеют вокруг себя брызг. Следовательно, капли крови падали с небольшой высоты с какого-то окровавленного предмета — руки, оружия (на них кровь попала вследствие одномоментного выброса из раны).

Эксперты тщательно изучили расположение капель крови — по дуге, то есть после выстрела рука, державшая оружие, опускалась книзу, а не отдергивалась от тела, как бывает при выстреле из оружия, произведенного постоной рукой.

«Кажется, что можно, если все продумать, накапать крови на рубашку, — продолжал профессор. — Даже если допустить, что чекист Агранов (а он действительно знал свое дело) был убийцей и нанес капли крови после выстрела, скажем, из пипетки, хотя по восстановленному хронометражу событий у него на это просто не было времени, необходимо было достичь полного совпадения локализации капель крови и расположения следов сурьмы. Но никто не мог в 1930-м предположить, что спустя 60 лет рубашку будут изучать на распределение сурьмы методом, открытым лишь в 1987 году. В 1930-м крими-

³¹ Заключение специалистов по материалам о смерти В.В. Маяковского. ГММ. Инв. №31294. 12 л.

³² Маслов А.В. (беседа с журналистом П. Семеновым). Выстрел // СПИД-инфо. 1992. № 3. С. 9.

³³ Маслов А.В. Автограф смерти // Медицинский вестник. 2001. № 14. С. 15.

налистам не была известна реакция на сурьму, и было неизвестно, как она располагается при производстве выстрела»³⁴.

Именно сопоставление расположения сурьмы и капель крови, падавших с малой высоты, и стало вершиной этого исследования, позволило ответить на самые сложные вопросы.

Таким образом, факт самоубийства В.В. Маяковского доказан научно.

***

Мы не осветили еще один интересный и важный вопрос — об аутопсии.

Судебно-медицинское вскрытие тела было произведено в ночь с 16 на 17 апреля в одной из комнат клуба ФОСП (Федерации объединений советских писателей) на улице Воровского, где с 15 апреля проходило прощание с покойным. На вскрытии настоял оргсекретарь ФОСП В.А. Сутырин, так как по Москве поползли упорные слухи, что Маяковский покончил жизнь самоубийством из-за сифилиса. На 17 апреля были назначены похороны и кремация. Владимира Александровича осенило, что если завтра тело будет кремировано, то сплетня о люэсе Маяковского может остаться навсегда.

Вскрытие проводил авторитетнейший специалист патологической анатомии профессор В.Т. Талалаев со своими помощниками. Сохранилась фотография этой печальной процедуры: идет начало аутопсии — осмотр области головы и шеи; хорошо видно темное пятнышко на груди слева — огнестрельная рана сердца.

Партийно-литературного чиновника Сутырина прежде всего волновал вопрос идеологический — есть ли у великого борца социалистической революции «язва капитализма»? Поэтому Владимир Александрович так оценил аутопсию: «Результаты вскрытия показали, что злонамеренные сплетни не имели под собой никаких оснований. Все это было записано в акте, и на следующий день я сообщил это родным»³⁵.

Чекиста Якова Агранова больше волновал вопрос судебно-криминалистический, и он с нетерпением ждал окончания аутопсии. Художник Н. Денисовский, находившийся ночью в клубе ФОСП, сообщал такие подробности: «После вскрытия вдруг приходит Агранов и спрашивает, был ли Владимир Владимирович левшой. Оказалось, что пуля прошла с левой стороны и застрелиться он мог только левой рукой. Все мы подтвердили, что он был левшой и правшой... На ладони у Агранова лежала злосчастная маленькая пуля, которую вынули из сердца»³⁶.

Действительно, Маяковский прекрасно владел и левой, и правой рукой. Но современные исследования показали, что Владимир Владимирович застрелился правой рукой.

В уголовном деле № 02-29 Акта вскрытия я не обнаружил. Нет его и в архивах ГММ. Оказалось, что маяковсковеды его не могут найти до сих пор. Основная версия такова: Акт вскрытия хранился вместе с другими подобными документами в архиве кафедры патологической анатомии, который размещался в подвале Патологоанатомического института медицинского факультета МГУ (с июня 1930 года — ММА им. И.М. Сеченова). В дальнейшем произошла авария водопровода, все документы залило водой, и они превратились в бумажную кашу. Все же, мне кажется, нужно продолжить поиски Акта вскрытия в других архивах ММА им. И.М. Сеченова, МГУ, бюро судебно-медицинских экспертиз, а также в архивах ФСБ. Возможно, на профильных кафедрах (патологической анатомии, судебной медицины) московских медицинских вузов

³⁴ Маслов А.В. Автограф смерти // Медицинский вестник. 2001. № 14. С. 15.

³⁵ Сутырин В. Воспоминания // Следств. дело. С. 615.

³⁶ Денисовский Н. Воспоминания. ГММ. Инв. № 22633, В-76.

хранятся какие-то выписки из этого акта, воспоминания участников аутопсии и другие подобные документы, имеющие первостепенный интерес.

Поскольку Акт вскрытия до сих пор еще не обнаружен, сложным является вопрос о характере раневого канала. Однако мы имеем протокол осмотра трупа врачом Рясенцевым, а также ценные воспоминания М.Я. Презента и Н.Ф. Денисовского, которые получили сведения от Я.С. Агранова и других лиц, имеющих полную информацию об аутопсии.

Абсолютно ясно то, что входное огнестрельное (пулевое) отверстие, диаметром всего лишь 0,67 см, располагалось по левой срединно-ключичной линии на 3 см выше левого соска. Огнестрельное ранение Маяковского являлось слепым, то есть выходного отверстия не было. Однако доктор Рясенцев «с правой стороны на спине в области последних ребер под кожей» отчетливо прощупал «твердое инородное тело, незначительное по размеру». «Последние ребра на спине» — это 11-е и 12-е. Для Рясенцева и следователя Синева было несомненным то, что указанное инородное тело является пулей. Таким образом, пуля застряла в подкожной клетчатке правой поясничной области на уровне 11 и 12 ребер.

По расположению огнестрельной раны, для врача «Скорой медицинской помощи» Агамалова, фельдшеров Ногайцева и Константинова, доктора-судмедэксперта Рясенцева, следователей и представителей ОГПУ не было сомнений в том, что Маяковский имел огнестрельное ранение сердца. В милицейском рапорте, основанном в наибольшей степени на мнении врача Рясенцева, указано, что у гражданина Маяковского имелось огнестрельное ранение сердца, от чего наступила «моментальная смерть», то есть, по медицинским представлениям, клиническая смерть в течение 5 минут после ранения.

По архивным документам станции «Скорой помощи» на Сухаревской площади, В.И. Скорятин установил, что медицинская бригада прибыла очень быстро: через 6 минут после выстрела и через 5 минут после вызова. Однако реанимационные мероприятия не проводились, медицинская бригада лишь осмотрела смертельно раненного и зафиксировала смерть.

В «Следственном деле В.В. Маяковского» я натолкнулся на дневник М.Я. Презента «О Маяковском». Михаил Яковлевич жил в Кремле и в 1930 году являлся литературным секретарем Демьяна Бедного, знал многих влиятельных лиц и в своем дневнике из первых уст записал важные сведения об обстоятельствах гибели поэта. Почти вся информация подтверждается другими документами, а следовательно, дневнику Презента можно доверять. Так вот, М.Я. Презент записал в дневнике: «Маяковский был левша. Пуля пробила сердце, легкие, почку.. Говорят, что, прострелив сверху вниз все внутренности, он еще имел силы подняться, но снова упал»³⁷.

Таким образом, ориентировочный ход раневого канала был следующим: пистолетная пуля вошла в левую половину грудной клетки по срединно-ключичной линии, поразила сердце и левое легкое, а затем ушла вниз, кзади и вправо и, поранив правую почку, застряла в подкожной клетчатке правой поясничной области. Таким образом, раневой канал имел нисходящее направление.

При таком ходе раневого канала, по законам элементарной логики, возникает предположение, что Маяковский держал пистолет в левой руке. Так, к примеру, считали Я.С. Агранов и другие сотрудники ОГПУ, курировавшие следственное дело Маяковского.

Однако современная судебно-медицинская экспертиза сохранившихся вещественных доказательств, в частности, рубашки поэта, с применением новых, высокоточных и эффективных методик, например, диффузно-

³⁷ Презент М.Я. О Маяковском. Из «Дневника». КП ГММ № 32609 (дело № 50, документ №20, л. 95–139).

контактного метода определения сурьмы, убедительно и достоверно показала, что Маяковский застрелил себя правой рукой.

Очевидно, произошел рикошет от ребер, скорее всего, от нижнего края 3-го ребра, что и придало пуле нисходящее направление.

Маяковский, таким образом, получил сквозное огнестрельное ранение сердца, а также (предположительно) левого легкого, диафрагмы, верхнего полюса правой почки и мягких тканей правого забрюшинного пространства.

Летальный исход наступил от сквозного огнестрельного ранения сердца с острой тампонадой сердца и его остановкой.

***

Уходя из жизни, поэт оставил нам документ — предсмертное письмо. Оно как бы документально удостоверяет намерение поэта покончить с собой. Сторонники версии насильственного устранения Маяковского объявляют письмо то фальшивкой, то вообще в природе не существующим.

А между тем оно есть и хранится в ГММ. Внимательно рассматривая письмо. Написано оно простым карандашом, почти без знаков препинания и с орфографическими ошибками, размашистым почерком, очень крупными буквами, на двух сложенных листах (трех страницах) писчей бумаги в линейку. Сдвоенный лист этой бумаги, видимо, вырван поэтом из какой-то канцелярской книги, а может быть — красивой большой тетради и имеет в развернутом виде размеры 20×32 см.

«Всем. В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил. Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет... Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская... Как говорят — «инцидент исперчен», любовная лодка разбилась о быт. Я с жизнью в расчете, и не к чему перечень взаимных болей, бед и обид. Счастливо оставаться. Владимир Маяковский 12/IV 30 г.»³⁷

Мой многолетний анализ содержания и структуры письма и последних четырех дней жизни поэта позволяет сделать вывод, что 12 апреля Маяковский написал лишь основную смысловую, содержательную часть письма, которая заканчивается словами «Счастливо оставаться», подписью и датой. Эта часть предсмертного письма заняла ровно две страницы.

А дальше, на третьей странице, идут «дописки», не имеющие уже главного смыслового значения и добавленные к основной части письма уже 13 апреля и/или рано утром 14 апреля!

Именно к этим допискам, как правило, придираются отдельные литераторы, обвиняя поэта в несерьезности, мелочности письма.

В любом случае основная, наиболее важная часть письма написана 12 апреля, и затем поэт, колеблясь, оттягивая роковой выстрел, ходил с готовым письмом еще два дня.

Вспомнил о вапповцах, Ермилове и сделал дописки в письмо; у него был долг перед фининспектором, поэтому он сделал в заключение финансовые распоряжения.

Разговоры о «мелочности, ничтожности» письма я считаю надуманными.

Ким Ляско удивляется: «О чем думает человек, приговоривший себя к смерти!.. Не о душе, не о том, каким он предстанет перед Верховным Судией, а о каких-то мелочах и пустяках...»³⁹. Вот и журналист В.И. Скорятин не верил, что «такое вот суетное письмо вышло из-под пера поэта»⁴⁰. Валентин

³⁸ Подлинник предсмертного письма В.В. Маяковского. ГММ. Инв. № 9442.

³⁹ Ляско К. Маяковский как персонаж театра абсурда // Библиография. 1995. № 4. С. 23-33.

⁴⁰ Скорятин В. Послесловие к смерти // Журналист. 1990. № 5. С. 52—62

Иванович изначально, еще до сбора фактов, был на 200% уверен, что Маяковского убили. А следовательно, письмо писал совсем не он. Его, мол, сочинили враги поэта, гэпэушное окружение Бриков. Написали 12 апреля, но не сумели убить поэта ни 12-го, ни 13-го. Единомышленники Скорятина поэтому называют предсмертное письмо «просроченным мандатом на убийство».

Особенно В. Скорятину не понравился... карандаш Маяковского. Валентин Иванович никак не мог поверить, что прощальное письмо можно написать карандашом, имея такую замечательную авторучку «Паркер».

«Известно, что Маяковский с величайшим пиететом относился к своим авторучкам, — строит свою гипотезу Скорятин. — Пользоваться «стилом» он не разрешал никому и ни при каких обстоятельствах. Заполучить ручку поэта даже на короткое время было невозможно. Да и подделать почерк «чужой» авторучкой нелегко... Все эти сложности устраняются, если воспользоваться карандашом. А уж сам почерк — суший пустяк для профессионалов из ведомства Я. Агранова»⁴¹.

Но почерковеды хорошо знают, что подделать почерк карандашом так же трудно, как и авторучкой!

В ГММ у ведущих специалистов я поинтересовался, только ли авторучкой писал поэт? Оказалось, наоборот, большинство творческих рукописей поэта написано карандашом! Поэтому написание последнего письма именно карандашом вполне естественно, и в этом нет ничего странного и необычного.

Однако, в связи с сомнениями некоторых современных исследователей в подлинности прощального письма В.В. Маяковского, дирекция ГММ направила его на почерковедческую экспертизу. Она была проведена во Всероссийском НИИ судебных экспертиз с участием ведущего российского специалиста судебно-почерковедческой экспертизы Ю.Н. Погибко. В качестве сравнительного материала использовались подлинные образцы почерка Маяковского (стихотворения, записи). Вывод исследования был категоричен: «Рукописный текст предсмертного письма от имени Маяковского В.В., датированный 12.04.30 г. — выполнен самим Маяковским Владимиром Владимировичем»⁴⁰.

Таким образом, в результате подлинного научного исследования абсолютно точно установлено, что прощальное письмо выполнено самим Маяковским.

Но почему письмо датировано именно 12-м числом апреля?

«Историки должны по минутам просчитать день 12 апреля, когда была написана записка, ставшая предсмертной. Тайна кроется не в 14-м дне апреля, а в 12-м»⁴¹, — пишет профессор А.В. Маслов.

Обращая свои взоры лишь на 12 апреля и не находя в череде этого дня что-то знаковое для провокации суицида, исследователи заходили в тупик.

Однако наш анализ показывает, что роковое событие, развернувшее цепочку суицидальных устремлений Маяковского, произошло еще на один день раньше — 11 апреля 1930 года. Об этом событии лишь в 1938 году записала в своих воспоминаниях Вероника Полонская, но о нем поклонники поэта узнали по существу совсем недавно, когда были открыты для доступа спецхраны ГММ. В сокращенном виде воспоминания В.В. Полонской были опубликованы в 1987 году, а в достаточно полном виде — только в 2005 году в книге «Следственное дело В.В. Маяковского».

В оригинале воспоминаний Вероники Витольдовны записано:

«...Между нами произошла очень бурная сцена. Мы оба были очень взволнованы и не владели собой. Я почувствовала, что наши отношения дошли до

⁴¹ Там же.

⁴² Заключение НИИ судебных экспертиз об исследовании предсмертного письма В.В. Маяковского. ГММ. Инв. № 31263. 6 л.

⁴³ Маслов А.В. Загадки смерти? // Знак вопроса. 1996. № 4. С. 36.

предела. Я просила его оставить меня, и мы на этом расстались во взаимной вражде. Это было 11 апреля»⁴⁴.

Утром 12 апреля Маяковский и Полонская не встречались. Вообще, для них обоих было неясно, будут ли они еще когда-нибудь встречаться. Днем 12 апреля Полонскую вызвали к телефону: «12 апреля у меня был дневной спектакль. В антракте меня вызывают по телефону. Говорит Владимир Владимирович. Очень взволнованный, он сообщает, что сидит у себя на Лубянке, что ему очень плохо... Только я могу ему помочь, говорит он. Вот он сидит за столом, его окружают предметы — чернильница, лампа, карандаши, книги и прочее. Есть я — нужна чернильница, нужна лампа, нужны книги. Меня нет — и все исчезает, все становится ненужным... Владимир Владимирович сказал: «Да, Нора, я упомянул Вас в письме к правительству, так как считаю Вас своей семьей. Вы не будете протестовать против этого?» Я ничего не поняла тогда... ответила: «Упомяните где хотите!..»

Совершенно ясно, что к моменту телефонного разговора Маяковский или только что написал, или продолжал писать предсмертное письмо.

Среди нескольких причин самоубийства Маяковского, несомненно, главная — «крушение любовной лодки», неудачная, несчастная любовь. И Владимир Владимирович прямо, без утайки называет эту причину в прощальном письме. И ему надо верить! Такие сильные и страстные натуры, как Маяковский, открыто, не таясь показывают свои намерения.

В своей жизни Маяковский любил 13 женщин. Вероника Полонская была 13-й, роковой, последней и самой страстной любовью Маяковского. Идея во что бы то ни стало жениться на ней стала навязчивой.

Будет любовь или нет?
Какая —
Большая ли, крошечная?

Вероника Полонская оказалась самой большой любовью Маяковского. Но одновременно она являлась женщиной, недостойной его любви.

По свидетельству Николая Асеева, в трагические дни апреля 1930 года Владимир Маяковский с болью и мукой во взгляде и голосе признался Веронике: «Я не могу жить без тебя!»

«Ну и не живите!» — спокойно, почти весело прошептала она.

⁴⁴ Полонская В.В. Воспоминания. ГММ. Рукопись. Инв. № 22637. 184 с.

⁴⁵ Там же.